

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисъ.

Контора открыта ежедневно
отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цѣна отдѣльнаго номера 20 к.

ФЛАЖА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:
 На 1 годъ . . . 8 р. — к.
 " 6 мѣсяцевъ . . 4 " 50 "
 " 3 мѣсяца . . . 2 " 50 "

Съ разсылкою по Имперіи:
 На 1 годъ . . . 8 р. 50 к.
 " 6 мѣсяцевъ . . 5 " — "
 " 3 мѣсяца . . . 2 " 75 "

ДЕРЕВЕНСКІЕ ЗАВСЕГДАТАИ.

СЪ НАЛЕТА

Невольную дань отдавая жарѣ,
Я въ полдень купался бывало,
Хоть это купанье въ согрѣтой Курѣ
Не очень-то мнѣ помогало.

**

Сегодня-жъ Шавердовъ мнѣ номеръ
прислалъ
Московской газеты Каткова,
И я въ самый полдень его прочи-
талъ
Почти до послѣдняго слова.

**

И что-же? представьте, пока я чи-
талъ,
Что въ немъ напечатано было,—
Все время по кожѣ морозъ подиралъ
И сердце въ груди моей стыло.

**

Я вспомнилъ невольно про „сонъ“
Щедрина,
И, вѣря ужасной догадкѣ—
Что съѣсть насъ „свинья“ непре-
мѣнно должна,—
Дрожалъ цѣлый часъ въ лихорадкѣ.

**

И вотъ, хоть сегодня не меньше
жара
И солнце не менѣе ярко,
Но только меня ужъ не манитъ Кура
И даже какъ-будто не жарко!...

ПО ВОЛНАМЪ ЖИТЕЙСКАГО МОРЯ

... Въ настоящемъ году грѣшно пожало-
ваться на тифлисское лѣто... Дожди и грозы
бываютъ чуть-ли не каждый день и воздухъ
настолько ими очищается и освѣжается,
что подчасъ ночью даже холодно дѣлает-
ся. Въ этомъ году вообще все какъ-то на
оборотъ... Въ то самое время, когда на югѣ
Россіи, близъ Одессы, всѣ задыхаются отъ
зноя и поля стараются отъ засухи, мы, тиф-
лисцы, привыкшіе лѣтомъ ничего другаго не
чувствовать кромѣ собственной своей испа-
рины, не выходимъ изъ суконнаго платья и
ежедневно орошаемъ, принимая естествен-
ныя души въ увеселительныхъ садахъ. Воз-
духъ свѣжъ и чистъ, а между тѣмъ бодро-
сти духа вовсе не замѣчается. Всѣ ходятъ
какіе-то сонные, утомленные и подавленные
сами собой и другъ другомъ. На всѣхъ об-
щественныхъ гуляньяхъ, во всѣхъ клубахъ
и увеселительныхъ садахъ не только не
слышно веселаго разговора, смѣха и живаго
слова, но даже и простыя громкія рѣчи не

развлекаютъ уха. Всѣ съ тупымъ равноду-
шіемъ смотрятъ другъ на друга, шепотомъ
говорятъ другъ другу самыя обмкновеныя
вещи, лѣниво садятся за карточные столы и,
угрюмо поужинавъ, зѣвая отираются по
домамъ. Точно, какъ-будто всѣ до полного
притупленія всѣхъ своихъ чувствъ изнурены
тропическимъ зноемъ. Развлекающій скан-
далъ упряднился, интересныхъ новостей
никакихъ; никто не женится, никто не вы-
ходитъ замужъ, никто не проявляетъ ника-
кихъ жизненныхъ поползновеній, и гнетущая
хандра всѣхъ заполонила въ свои хладныя
объятія. Всѣ безпомощно бродятъ во мракѣ
неизвѣстности, ежеминутно опасаясь раз-
бить себѣ носъ, или сломать шею. При та-
кой обстановкѣ легко и съ ума сойти. И
многіе сходятъ. Извѣстія о случаяхъ сум-
асшествія являются единственными нашими
новостями. Одинъ, какъ рассказываютъ, по-
мѣшался на томъ, что онъ грузинскій царь,
другой помрачился разсудкомъ вслѣдствіе
страха, что его хотятъ убить, и, наконецъ,
третій впалъ въ состояніе острой меланхо-
ліи потому, что все время думалъ, что за
всѣми его поступками ежесекундно наблю-
даютъ какія-то невидимыя очи...

Дожди, грозы и свѣжій воздухъ, какъ ви-
дите, не помогаютъ. Изнуряющая нравствен-
ная духота, расслабляющая моральная ис-
парина и отупляющая умственная засуха
безопасно заполонили всю нашу жизнь.
Вся надежда на „дождичекъ въ четвергъ“,
послѣ котораго должно послѣдовать общее
оживленіе. Но дождичекъ въ четвергъ едва-
ли возможенъ, такъ какъ судьба безостано-
вочно насъ даритъ недѣлями, состоящими
только изъ однихъ пятницъ. Эти семь пят-
ницъ на одной недѣлѣ окончательно исклю-
чаютъ возможность наступленія четверга, а
вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, исключаютъ и
возможность того освѣжающаго дождичка,
послѣ котораго должна наконецъ исчезнуть
изнурившая насъ духота.

**

... Даже такія грандіозныя событія, какъ
наша „учебно-женская полтора-ста-тысяч-
ная растрата“ и „убійственная, члено-вреди-
тельная катастрофа“ на Ростово-Владикавказ-
ской желѣзной дорогѣ, не пробуждаютъ въ
насъ жизненныхъ силъ. Лѣниво выслушали
мы лаконическіе „нѣсколько словъ“ объ этихъ
пріятныхъ фактахъ, тупо почмокали губами,
безпомощно поморгали глазами и опять по-
грузились въ безцѣльное созерцаніе того
развѣдающаго недуга, который гноится вну-
три каждого изъ насъ. Насъ нисколько не
безпокоятъ даже тѣ до изумительности раз-
норѣчивыя свѣдѣнія, которыя намъ даютъ
по поводу этихъ двухъ пріятныхъ событій
„достоверные источники“. Одни говорятъ и
пишутъ, что кромѣ кн. Сидонова-Эри-
стова виноваты еще и члены наблюдатель-
наго совѣта и главнымъ образомъ г. Папа-
ригопулло; другіе, напротивъ того, говорятъ
и пишутъ, что въ дѣлѣ этой растраты въ
сущности никто не виноватъ, а что виноваты
тутъ, во всей вѣроятности, сами эти не-

осторожныя деньги, которыя плохо лежали.
Тоже самое и по дѣлу желѣзнодорожной ка-
тастрофы. Одни говорятъ, пишутъ и съ по-
ложительностью, не допускающей ни малѣй-
шихъ сомнѣній, удостовѣряютъ, что причи-
ною крушенія были никуда негодныя, совер-
шенно сгнившія шпалы; другіе, напротивъ
того, говорятъ, пишутъ и съ положитель-
ностью, не допускающей ни малѣйшихъ со-
мнѣній, удостовѣряютъ, что всѣ шпалы были
крѣпки, какъ кремень, и прочны, какъ Бис-
маркъ; что весь путь найдеть въ образцо-
вомъ состояніи и

Что отъ причины столь глубокой,
Что даже не рѣшить знатокъ,
Сей поѣздъ съ насими высокой
Невольный совершилъ скачокъ!

Кому же вѣрить?!...

Ну, скажите же, господа... ну, развѣ это
не семь пятницъ на одной недѣлѣ?... Но
мы вполне увѣрены, что въ концѣ концовъ
причины и виновники будутъ обнаружены
и намъ дадутъ несомнѣнный и положитель-
ный отвѣтъ послѣ дождика въ чет-
вергъ.

**

Давно ожидавшееся возстановленіе дѣйствія уни-
верситетскаго устава 1863 года относительно над-
зора за студентами—совершившійся фактъ. Отны-
нѣ ректоръ опять становится самостоятельнымъ
хозяиномъ университета и начальникомъ инспек-
ціи, превратившейся при министерствѣ графа Тол-
стаго въ status in statu, въ органъ чисто полицей-
скаго, внѣшняго, независимаго отъ прямаго на-
чальника университета, надзора за студентами.
Всего только пять строкъ—и какой восторгъ, ка-
кую радость онѣ вызовутъ среди учащейся моло-
дежи и десятковъ тысячъ родителей, родствен-
никовъ, наставниковъ и людей, дорожащихъ ин-
тересами народнаго просвѣщенія! Сколько тревогъ,
опасеній, сомнѣній и полицейскаго гнета канетъ
въ Лету подъ влияніемъ этихъ пяти сухихъ строкъ:
*возстановить „дѣйствіе относящихся до надзора за
студентами статей Высочайше утвержденнаго
18-го іюня 1863 года общаго устава Император-
скихъ російскихъ университетовъ“!*...

Мы не раздѣляемъ радости газеты «Но-
вости», изъ передовой статьи которой мы
взяли вышеприведенныя строки.

...И почему это „Новости“ полагаютъ, что
„полицейскій гнетъ канетъ въ Лету подъ
влияніемъ этихъ пяти сухихъ строкъ“?

... Самый фактъ замѣны инспек-
тора ректоромъ въ наши дни не долженъ
возбуждать радости, такъ какъ все дѣло
сводится исключительно къ личности того
или другаго. Представимъ себѣ на минуту,
что инспекторомъ состоитъ Н. И. Пироговъ,
а ректорами и профессорами—Булюбашіи...
Лучше ли будетъ, если власть перваго перей-
детъ къ послѣднимъ?!

...Изъ „чисто полицейскаго, внѣшняго“ над-
зора за студентами станетъ внутреннимъ: въ
стѣнахъ университета заведется своя, такъ
сказать, домашняя полиція... Это, конечно,
большое удобство; но мы сомнѣваемся, что-
бы оно—это удобство—способно было вызвать
радость учащихся, ихъ родителей и людей,
дорожащихъ интересами народнаго просвѣ-
щенія. А впрочемъ,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВОПРОСЪ

Подъ игомъ строгихъ запрещеній
Молва безмолвною вдругъ стала...
И для журнала «Свѣтъ и Тѣни»
Пора однихъ тѣней настала;
Исчезъ безъ всякихъ объясненій
Листокъ «Одесскихъ Объявленій»;
И неожиданно подъ штрафъ
Попалъ «Московский Телеграфъ»;
За неудавшуюся нотку
И «Голосу» заткнули глотку.
Среди газетъ такая смута
Насъ всѣхъ пугаетъ не на шутку...
Скажите... Отчего-жъ «Минута»
Не замолчить хоть на минутку?

Г—въ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПРОГУЛКИ

Газеты, занятая прошлою жизнью Гарфильда, сообщаютъ, что онъ въ дѣтствѣ былъ рабочимъ на фермѣ и лодочникомъ. Это немного напоминаетъ Линкольна. И тотъ былъ сперва дровосѣкомъ, а послѣ президентомъ великой республики.

Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть прискорбной привычки, вкоренившейся въ американскіе нравы: дровосѣковъ и лодочниковъ приглашаютъ въ президенты, а сыновья саванниковъ, вслѣдствіе такого порядка вещей, вѣроятно, принуждены идти въ лодочники и дровосѣки. Вотъ ужъ народъ, у котораго всѣ основы полорваны!

Гито, покушавшійся на жизнь президента, по медицинскомъ освидѣтельствованіи, оказался человѣкомъ психически здоровымъ. Онъ совершилъ преступленіе не только «въ здоровомъ умѣ и твердой памяти», но и «съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ». Онъ, кромѣ того, оказывается обладателемъ какихъ-то политическихъ убѣжденій.

„Я стальной изъ стальныхъ, говоритъ онъ, принадлежу къ фракціи Конклинга, поддерживалъ на выборахъ Гарфильда, но онъ выказалъ неблагодарность—не назначилъ меня консуломъ въ Марсель, и я счелъ своимъ долгомъ уничтожить измѣнника“. Гито, въдобавокъ, былъ ораторъ, писалъ богословскія сочиненія и собирался быть адвокатомъ.

Не смотря на все это, американцы убѣждены, что онъ сумашедшій или по крайней мѣрѣ полупомѣшанный. Есть факты, которые больше всѣхъ докторскихъ доводовъ убѣждаютъ американцевъ въ ненормальности умственныхъ способностей Гито. Онъ, говорятъ они, развратникъ, ревностный членъ „общества свободныхъ любовниковъ“ и, что важнѣе всего, *человѣкъ безъ определенныхъ занятій*: выдавалъ себя за адвоката, чтобы опустошать карманы своихъ кліентовъ, писалъ богословскую чепуху, которую никто

не читалъ и „политиканствовалъ“, т. е. хотѣлъ получить должность на государственной службѣ не честнымъ трудомъ и знаніями, а ораторствомъ и интригами во время президентской горячки“.

Другіе приходятъ къ тому же выводу посредствомъ слѣдующихъ соображеній: Гарфильдъ былъ честный человѣкъ: онъ не раздавалъ своимъ фаворитамъ и фавориткамъ государственнаго достоянія, не откладывалъ изъ казны миллионы въ банкъ на свое имя, не поручалъ судьбу страны невѣждамъ и ненасытнымъ сатрапамъ, въ родѣ Конклинга; его любилъ весь народъ, и могъ рѣшиться на его убійство только несчастный, лишенный послѣдней капли здраваго смысла“.

Со всѣми этими соображеніями, конечно, нельзя согласиться. Въ противномъ случаѣ пришлось бы наполнить желтые дома тысячами и десятками тысячъ нашихъ жуировъ, свободныхъ отъ всякихъ занятій, важныхъ писателей, никѣмъ не читаемыхъ, кромѣ архивныхъ крысъ, и франтозъ, атакующихъ казенный пирогъ стрѣлами краснорѣчія.

О, что было бы съ нами тогда! Мы лишились бы „хорошаго тона“ и превратились бы въ животныхъ.

По случаю покушенія на жизнь Гарфильда, американцы возненавидѣли всѣхъ его враговъ, въ томъ числѣ вице-президента Арчера, долженствующаго, въ случаѣ смерти президента, занять его мѣсто до конца настоящаго четырехлѣтія, т. е. на 3½ года.

Народная ненависть къ Арчеру значительно усиливается вслѣдствіе того, что онъ въ своей жизни никогда никакого ремесла не имѣлъ, и даже торговлей не занимался, а исключительно „политиканствовалъ“. Онъ является въ глазахъ рабочихъ искателемъ приключеній, служащимъ интересамъ Конклинга и Гранта.

О, еслибъ Арчеръ въ своей жизни хоть нѣсколько мѣсяцевъ былъ тулухчи*), то, навѣрно, онъ въ настоящее время могъ бы спокойно выходить на улицу, не ожидая для себя крупныхъ скандаловъ, и не походилъ бы въ мундирѣ главы республики на жалкаго узника, сидящаго подъ Дамокловымъ мечемъ.

Газеты принесли извѣстіе, что Эрнротъ, вчерашній болгарскій диктаторъ, вчерашній болгарскій министръ военный и внутреннихъ дѣлъ, зачисленъ въ русскій штабъ. Эрнротъ и прежде былъ на русской службѣ; онъ еще въ прошломъ году лѣтомъ командовалъ дивизією, и въ одно прекрасное для него утро перелетѣлъ за тысячи верстъ могущественнымъ министромъ. И его предшественникъ, генераль Паренсовъ, состоитъ и понынѣ на русской службѣ, а егопреемникъ, генераль Крыловъ, былъ русскимъ генераломъ.

*) Тифлисскій водовозъ.

Мы все это поясняемъ потому, что такая быстрая перемѣненія производятъ въ умахъ читателей страшную путаницу, и иногда въ недоумѣніи публика спрашиваетъ: гдѣ кончается русскій офицеръ и гдѣ начинается болгарскій министръ?

Идетъ по улицѣ молодой человѣкъ въ мундирѣ поручика, а въ дѣйствительности Богъ его знаетъ, кто онъ такой; въ немъ, можетъ быть, сидитъ будущій министръ тунисскаго бея. Не думалъ же, не гадалъ же нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскій консулъ Рустанъ быть тунисскимъ премьеромъ, а сегодня—онъ тунисскій премьеръ и въ душѣ, вѣроятно, питаетъ надежду сѣсть на тунисскій престолъ.

Кого только мы не хвалили съ пафосомъ въ своихъ политическихъ прогулкахъ? Мы приняли подъ свое покровительство даже такого деспота, какъ Бисмаркъ, котораго единогласно во всей свободной печати всего свѣта рисуютъ звѣреподобнымъ тираномъ. Мы такому человѣку искренно рукоплескали мы для него измѣнили нашъ обычный тонъ, бросили иронию въ Лету и серьезно поклонились ему, какъ государственному дѣятелю большаго ума и такта. Такъ бываетъ со всякимъ, кто по горло стоитъ въ лужѣ, ему и судьба голоднаго крестьянина кажется завидною. Наше время и его дѣятели такъ измѣлчили, что по неволѣ и Бисмарка причислишь къ лику святыхъ, и на Виконфильда помолитесь.

Мы все это вспомнили, узнавъ, что великій германскій канцлеръ свои великіе реформаторскіе планы объ улучшеніи положенія рабочихъ желаетъ осуществить при помощи заклятыхъ, вѣковыхъ враговъ рабочихъ классовъ—юнкеровъ и монаховъ. Фокусъ, конечно, не удастся, и взбѣшенный фокусникъ съ яростью обрушивается на своихъ обличителей: вся свободная печать Германіи окрещена органами кн. Бисмарка измѣнницею отечеству. Недаромъ „Страна“ утверждаетъ, что „въ Берлинѣ пахнетъ «Московскими Вѣдомостями» и что въ наше время это—самые молные духи“.

Езопъ.

ОБУХОВЦАМЪ

Вы хотите намъ оставить
Лишь катковское писанье...
„Покупайте и читайте
„Органъ Миши въ назиданье!“

**

Но поймите же, чѣмъ больше
Вы намъ тычете Каткова,
Тѣмъ сильнѣе въ насъ желанье
Слышать звукъ инаго слова!

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ РЕВИЗИИ ОДНОГО ВОЛОСТНАГО ПРАВЛЕНИЯ.

Ревиз. чин.—Г-нъ староста! скажите, сколько вы получаете въ годъ жалованья?
 Староста (къ писарю).—Егорычъ! Сколько я получаю въ годъ жалованья?
 Вол. писарь.—Сорокъ три руб. пятьдесятъ коп.
 Стар. (къ чиновнику).—Сорокъ три р. пятьдесятъ коп., ваше благородіе!
 Рев. чин.—Что же такъ мало?
 Стар. (къ писарю). Егорычъ! Что же такъ мало?
 Вол. писарь.—Общество бѣдное...
 Староста (къ чиновн.).—Общество бѣдное, ваше благородіе.

გაგონიერება და სწავლა

სადაც სწავლობენ

სადაც სწავლობენ

სადაც სწავლობენ

სადაც სწავლობენ

სადაც სწავლობენ

სადაც სწავლობენ

სადაც სწავლობენ

სადაც სწავლობენ

სადაც სწავლობენ

ПО НАПЯДНО-ЗВУКОВОМУ МЕТОДУ
обучения.

Сол. Че-г-ва.

ОБШИРНЫЕ ПЛАНЫ

(изъ БЕРАНЖЕ)

Нашель я, наконецъ, эпическую тему...
 Окончу я свой трудъ примѣрно въ де-
 сять лѣтъ.
 И лавры будутъ мнѣ наградой за поэму,
 И въ будущемъ меня прославить цѣлый
 свѣтъ.
 * *
 Но мой сюжетъ еще годится и для
 сцены...
 Трагедія къ тому-жъ скорѣй на ладъ
 пойдетъ!
 И такъ, сажусь писать для храма Мель-
 помены.
 Трагедія мнѣ дастъ и деньги, и почетъ.
 * *
 Трагедию писать пришлось бы больше
 году...
 И оду въ двадцать строфъ скорѣе я
 создамъ!
 Охотнѣе всего я написалъ бы оду,
 И, кстати-бъ, въ ней польстилъ и смерт-
 нымъ и богамъ.
 * *
 Но съ одой вновь бѣда: въ ней стиль
 всего важнѣе...
 Гомеръ, Эсхиль, Пиндаръ, покойтесь
 мирнымъ сномъ!
 Я пѣсенку пишу... Оно всего вѣрнѣе...
 Орломъ мечтая быть, очнулся я скворцемъ.
 * *
 Кто могъ осуществить свой планъ безъ
 сокращенья?
 У генія порой на это силы нѣтъ!
 И тотъ, чей идеалъ въ простомъ стихо-
 твореньи,—
 Едва, въ концѣ концовъ, состряпаетъ
 куплетъ!
 Иванъ-да-Марья.

ЛЕРМОНТОВСКІЙ ПРАЗДЕЖКЪ

ВЪ ПЯТИГОРСКЪ

15 іюля, 1881 г.

(корреспонденція Фаланги)

Бѣда, коль пироги начнетъ печь сапожникъ,
 А сапоги тачать пирожникъ.

На кавказскихъ минеральныхъ водахъ,
 какъ извѣстно, живется не особенно весело,
 особенно людямъ, привыкшимъ къ разнообразнымъ уловольствіямъ столицъ. И вотъ,
 двумъ артистамъ—панисту Щуровскому и
 пѣвцу московской русской оперы Хохлову,
 случайно встрѣтившимся въ Пятигорскѣ,
 пришло на мысль поразнообразить какъ-ни-
 будь свое времяпровожденіе на этихъ скуч-
 ныхъ водахъ.

Они вспоминаютъ, что 15 іюля, 1881 г.
 минеть ровно сорокъ лѣтъ, какъ Лермон-
 товъ убитъ на дуэли. И имъ приходитъ
 мысль устроить по этому случаю праздни-
 сто. Соображеніе о томъ, что выборъ дня
 смерти не совсѣмъ удобенъ для торже-
 ственнаго праздника, нисколько не останавли-
 ваетъ ихъ; мѣстная администрація, въ лицѣ
 вице-губернатора Терской области, г. Якоб-
 сона, относится къ мысли о праздникѣ сочув-
 ственно. Наскоро состряпанныя телеграммы
 летятъ 1-го іюля во всѣ газеты и разныя
 общества, а на мѣстѣ начинаются съ ли-
 хорадочною поспѣшностью необходимыя при-
 готовленія *).

1-го іюля, двѣнадцать собравшихся въ
 гостинницѣ лицъ, по обсужденіи дѣла и по
 принятіи въ соображеніе краткости срока—
 двѣ недѣли—остающагося до дня 15 іюля,
 рѣшаютъ избрать распорядителей и избира-
 ютъ 7 человекъ! Заказываются кокарды изъ
 бѣлыхъ и синихъ лентъ, съ буквою Л по
 срединѣ, долженствующія украшать фраки
 распорядителей въ день торжества. Состав-
 ляется, печатается и разсылается по рѣшѣ
 водянымъ группамъ программа праздника,
 открывается подписка на обѣдъ, приглаша-
 ются барыни для занятія ролей продавщицъ
 во время базара, вошедшаго тоже въ про-
 грамму. Все кажется подготовленнымъ. На-
 ступаетъ день торжества. Тогда вспоми-
 наютъ, что о панихидѣ, которой юбилей-
 ное торжество должно открыться, не мѣша-
 етъ предупредить хоть тѣхъ, кому эту самую
 панихиду служить придется. Отправляются
 къ соборному протоіерею. Тотъ объявляетъ,
 что, насколько ему извѣстно, убытие на
 дуэли считаются въ одномъ рангѣ съ са-
 моубійцами, для которыхъ панихидъ ника-
 кихъ не полагается.

Распорядители шлютъ телеграммы и на
 всякій случай всѣ приготовленія продолжа-
 ются. Наступаетъ, наконецъ, и 15 іюля. Но
 отвѣта на телеграммы нѣтъ и волненіе рас-
 порядителей возрастаетъ каждую минуту.
 Наконецъ, къ 11 часамъ утра, разрѣшеніе
 служить панихиду получено, и на соборной
 площади начинаютъ выстраиваться депута-
 ции, числомъ 28, съ вѣнками и значками.
 Ихъ размѣщаютъ въ два ряда: четные NN
 съ одной, а нечетные съ другой стороны, и
 въ этомъ порядкѣ онѣ двигаются въ соборъ,
 гдѣ и становятся шеренгами, лицомъ къ
 аналою. Служится панихида. Ожидается по-
 слѣ нея какое-либо слово со стороны одно-
 го изъ участвовавшихъ въ ней трехъ свя-
 щенниковъ, но слово оказывается неприго-
 товленнымъ и не произносится. Процессія,
 руководимая распорядителями, направляется
 къ дому, гдѣ, по преданію, жилъ Лермон-
 товъ. Домъ стоитъ во дворѣ, но процессія
 останавливается на улицѣ у воротъ другаго
 дома, къ стѣнѣ котораго и рѣшено прибить
 доску съ такой надписью:

*Здѣсь жилъ (правильнѣе было бы сказать
 не жилъ) поэтъ*

М. Ю. Лермонтовъ,

убитый 15 іюля, 1881 г., съ Пятигорскъ.

Доска должна быть мраморная, но она

*) Мы получили приглашеніе принять участие
 въ чествованіи памяти Лермонтова только 12
 іюля и на другой день телеграфировали одному
 изъ нашихъ подписчиковъ (генералъ-маіору Еса-
 кову), прося его возложить вѣнокъ отъ редакціи
 „Фаланги“ на могилу поэта. Къ сожалѣнію, наша
 телеграмма была получена адресатомъ только 25
 іюля, вслѣдствіе отъѣзда его въ Желѣзноводскъ.

еще не готова, хотя и заказана въ Ростовѣ,
 а потому прибавается деревянная, времен-
 ная. Передъ обрядомъ прибитія доски вы-
 ступаетъ впередъ г. Хохловъ и говоритъ та-
 ку рѣчь:

М. Г.

Всѣмъ извѣстно, какъ у насъ часто забы-
 ваютъ гм! гм! („Да, да, извѣстно“, раздаются
 возгласы слушателей)...

...забываютъ—продолжаетъ г. Хохловъ—ве-
 ликихъ людей... („Нѣтъ, нѣтъ, ихъ не за-
 бываютъ“, прерываютъ оратора). Я хочу
 сказать забываютъ мѣсто, гдѣ они жили
 („Это правда!“ кричатъ изъ толпы). А пото-
 му мы рѣшили прибить къ стѣнѣ дома, гдѣ
 жилъ нашъ незабвенный поэтъ Лермонтовъ...

— Да вѣдь это не тотъ домъ, тотъ во-
 дворъ—замѣчаютъ изъ толпы.

— Все равно-съ, здѣсь виднѣе...

Начинается прибаваніе доски. Выборные
 отъ депутацій вызываются къ доскѣ въ по-
 рядкѣ ихъ NN, и каждый поколачиваетъ
 молоткомъ по одному изъ четырехъ гвоздей,
 которыми и прикрѣпляется доска къ стѣнѣ.

— Криво! замѣчаетъ кто-то изъ зрителей.

Въ самомъ дѣлѣ, доска оказывается при-
 битою наискось.

— Ничего, все равно, успокоительно про-
 износить г. Хохловъ: вѣдь это временно.

Публика удовлетворяется и депутаціи го-
 товятся къ дальнѣйшему шествію.

Является откуда-то фотографъ съ своими
 приборами, и шествіе приостанавливается.
 Начинаютъ выравнивать депутатовъ. Бары-
 ни откидываютъ свои вуали и проталкива-
 ются впередъ. Распорядители бросаются изъ
 стороны въ сторону, депутатовъ переставля-
 ютъ съ мѣста на мѣсто: ничего не выходитъ,
 публика начинаетъ выражать нетерпѣніе.
 Фотографъ дѣлаетъ отчаянный жестъ и рѣ-
 шительно отказывается снимать группу. Рѣ-
 шаютъ идти дальше, въ Елисаветинскую
 галлерею, гдѣ назначенъ торжественный
 актъ.

Актъ начался рѣчью предсѣдателя комми-
 сии по устройству чествованія памяти Лер-
 монтова, г. Якобсона. Къ сожалѣнію, въ са-
 момъ началѣ своей рѣчи ораторъ имѣлъ не-
 счастье перепутать имена высокопоставлен-
 ныхъ лицъ; живыхъ упомянулъ въ числѣ
 мертвыхъ, а мертвыхъ въ числѣ живыхъ
 и такъ вслѣдствіе этого сконфузился, что
 наскоро закончилъ свое слово и уступилъ
 свое мѣсто г. Щуровскому, который за-
 явилъ, что къ нимъ, распорядителямъ, по-
 ступило нѣсколько биографическихъ очер-
 ковъ жизни Лермонтова и характери-
 стики его дѣятельности, но для прочтенія на
 актѣ, они, распорядители, выбрали только
 одинъ, и его-то онъ, г. Щуровскій, и про-
 чель. Оказалось, однако, что какъ ни много
 прислано было такихъ очерковъ, но распо-
 рядителямъ, вѣроятно, выбирать было не изъ
 чего, ибо и лучший изъ нихъ оказался очень
 плохенькимъ. Изъ цѣлой цѣпи общихъ мѣстъ
 выдѣлилась въ этомъ очеркѣ только выписка
 изъ Бѣлиискаго, заключающая въ себѣ из-
 вѣстную, замѣчательную по живости и мѣт-
 кости характеристику лермонтовской поэзіи.
 Тѣмъ не менѣе очеркъ былъ выслушанъ вни-
 мательно и вызвалъ сочувственныя рукопле-
 сканія.

Затѣмъ слѣдовало прочтеніе двухъ привѣт-
 ственныхъ телеграммъ, полученныхъ отъ лейб-
 гусарскихъ офицеровъ и отъ начальника Ни-
 колаевского кавалерійскаго училища, бывшей

школы гвардейских подпрапорщиков, гдѣ, какъ извѣстно, Лермонтовъ окончилъ свое воспитаніе.

За телеграммами слѣдовали рѣчи любителей. Говорилъ представитель военныхъ врачей и немногими словами вызвалъ дружное одобрение слушателей. Послѣ него выступилъ бывший студентъ московскаго университета, почти однокурсникъ Лермонтова, г. Барсовъ и прочелъ слѣдующее стихотвореніе:

Въ минуты жизни трудныя
Когда гнела насъ грусть,
Твои твердили чудныя
Мы звуки наизусть.

Въ нихъ—сила, мощь всѣмъ внятныя,
Въ нихъ—прелесть красоты,
Для сердца благодатныя
Поэзіи цвѣты.

Подъ звуки тѣ мечталось,
Что горе далеко,
И жить намъ всѣмъ казалось,
Такъ сладко и легко.

И стихи г. Барсова вызвали рукоплесканія. — Теперь торжественный актъ конченъ... началъ было г. Якобсонъ, но къ нему, едва подвигаясь на больныхъ ногахъ, протискался какой-то пріѣзжий съ желѣзнодорожной группы и заявилъ, что онъ желалъ бы тоже сказать нѣсколько словъ.

— Эхъ, господа, съ досадой замѣтилъ г. Якобсонъ, объ этомъ надо раньше было заявить, теперь поздно...

Неизвѣстный большой продолжалъ настаивать въ своей просьбѣ дать ему слово.

И оно, наконецъ, дается ему.

За словомъ неизвѣстнаго господина послѣдовало закрытіе акта, послѣ чего публика отправилась вѣлѣдъ за депутациями къ Лермонтовскому гроту, куда отнесена была и часть вѣнковъ. Нѣкоторые же направились къ базару. Продавицы, нарядныя дамы, всѣ роскошно и, по большей части, изящно одѣтыя, заняты были тутъ продажей яствъ и питій; но ихъ торговля была не особенно оживленная, хотя и дала въ результатъ прекраснѣйшій сборъ, въ 853 р. 85 коп.

Въ 4 часа, въ залѣ гостиницы „Минеральныя воды“ состоялся обѣдъ въ память Лермонтова, по подпискѣ въ 5 р. съ прибора. Обѣдало 72 человѣка.

Первой достопримѣчательностью этого обѣда было курьезное меню *)), второй же—не менѣе курьезное обстоятельство, что на обѣдѣ въ честь Лермонтова совсѣмъ было забыли о Лермонтовѣ, и только за шестымъ столомъ объ немъ вспомнили, при чемъ прочитаны были чьи-то довольно, впрочемъ, слабые стихи, посвященные его памяти.

Вечеромъ въ Михайловской галлерей состоялся концертъ инструментально-вокально-литературный. Литературная часть, впро-

чемъ, за внезапною болѣзью г. Милова, не была исполнена, а инструментально-вокальная отличалась послѣобѣденнымъ характеромъ исполненія...

Вообще, для любителей музыки концертъ этотъ доставилъ удовольствіе только тогда, когда кончился. Тѣмъ не менѣе сборъ съ него составилъ 826 руб. Весь же сборъ съ подписными деньгами равняется 1,974 руб. 85 коп., къ которымъ контрагентъ, г. Байковъ, добавилъ для округленія суммы 25 руб. 15 коп.

Концертомъ и иллюминаціей закончился этотъ первый Лермонтовскій „праздникъ“.

П. Р.

Пятигорскъ, 16 іюля, 81 г.

Такъ какъ въ настоящее время много развелось „проницательныхъ“ читателей, то для нихъ мы должны сдѣлать слѣдующую оговорку: мы печатаемъ настоящую корреспонденцію не для того, чтобъ поглумиться надъ чествованіемъ памяти поэта, а для того, чтобъ это чествованіе дѣлалось впродъ болѣе умѣло и болѣе достойно такого великаго поэта, какимъ былъ Лермонтовъ. А все таки за „починъ“, хотя и неумѣлый, спасибо гг. Хохлову, Щуровскому и Якобсону.

* * *

Милѣ Анны Провны
Нѣтъ дамы, господа:
Какъ всѣхъ она любовно
Привѣтствуетъ всегда!

Съ какой улыбкой сладкой
Любой внимаешь вздоръ!
Какой порой украдкой
Бросаетъ мужу взоръ!

И пусть болтаютъ въ свѣтѣ,
Что мужъ ея—олень,
Что въ кухнѣ ея дѣти
Съ прислугой ночь и день;

Пусть также увѣряютъ,
Что платья и бѣлье
Ей тайно доставляютъ
Поклонники ея,—

Все это безусловно
Прошу я ей всегда:
Милѣ Анны Провны
Нѣтъ дамы господа!...

А. Левъ.

У Р Я Д Н И К Ъ

Былъ май мѣсяць.

По ухабистой, изрытой дождевыми промоинами и спускавшейся съ горы на гору, приднѣпровской почтовой дорогѣ ѣхалъ всадникъ. Онъ былъ въ бѣлой полицейской фуражкѣ, бѣломъ офицерскомъ кителѣ, синихъ, толстаго солдатскаго сукна штанахъ и высокихъ охотничьихъ сапогахъ. На лѣвомъ бедрѣ его бряцала шапка, а на поясѣ справа висѣлъ въ чехлѣ маленькій лепажевскій револьверъ. Это былъ новомод-

ный, маковскій, конный сельскій стражникъ. Онъ былъ грустно-задумчивъ и какъ-бы не замѣчалъ того, что его маленькая и круглая лошадка, своротивъ съ дороги, поминутно останавливалась и усердно щипала высокий придорожный овесъ...

— Но, Васютка, но-о! лѣнливо, какъ-бы сквозь сонъ бормоталъ урядникъ и Васютка также лѣнливо подвигался далѣе.

Но вотъ на косогорѣ показался съ возомъ сѣна мужикъ. Урядникъ мгновенно очнулся и, пришпоривъ свою лошаденку, быстро очутился возлѣ злосчастнаго мужика. Мужикъ, замѣтивъ приближеніе грознаго начальства, снялъ шапку.

— Ты кто такой? подскочилъ къ нему урядникъ.

Столицинскій, Иванъ... робко отвѣтилъ мужикъ.

— А билетъ есть?

— Помилуйте, ваше б—іе, какой-же билетъ... Я только въ степь за сѣномъ... Вы сами, в. б., знаете, что эта самая и есть наша степь... Вотъ и Столицыно, тутъ рукой подать! И мужикъ указалъ рукою вправо.

— Э, нѣтъ, братъ! Отъ меня такъ не увильнешь! отвѣчалъ урядникъ,—маршъ за мной въ станъ...

Мужикъ падаетъ на колѣна.

— Помилуйте, ваше б—іе, развѣ-жъ таки вы меня не знаете? Помните, въ прошломъ году вы и ночевали еще у меня въ хатѣ...

Стражникъ вспомнилъ вдругъ чернооую Марусю, добренькую и хорошенькую жену говорившаго съ нимъ мужика и зачесалъ въ затылкѣ.

— Такъ-то оно, такъ! шепчетъ онъ нерѣшительно, а все-же лучше, когда ежели въ станъ: кто тебя знаетъ, можетъ, ты и ворованное сѣно везешь... Впрочемъ, что ужъ съ тобой дѣлать? Какъ привезешь мнѣ двѣ копы, такъ такъ и быть, отпущу ужъ я тебя, раба божьяго, а не привезешь, такъ помни... урядникъ занесъ имя мужика въ свою записную книжку... Мужикъ почесывается и... благодарить!...

Поѣхалъ стражникъ далѣе.—Ишь болваны! бормочетъ онъ про себя,—какъ не заставь, такъ и не догадуются сами начальству для лошадки сѣна на конюшню привезти... Эдакое мужичье подлое стало...

Встрѣчается допотопный троечный шарабанъ какого-то помѣщика.

— А, Михайлъ Ивановичъ! Мое почтеніе-съ!—раскланивается весело урядникъ... А я-съ къ вамъ!...

— Ни кого дома нѣтъ! гудитъ изъ шарабана чей то густой басъ.

— Ничего-съ! Мы и безъ васъ косарей вашихъ пощупаемъ! хе-хе-хе! У всѣхъ-ли-съ билеты есть?.. Изъ шарабана высовывается щетинистая кабанья голога.

— Вы что-же это, Артемъ Семенычъ? Ужъ это того... не посуѣдски, знаете! Я теперь

*) Меню.

Воды и закуски à la Демонъ.

1) Супъ Уланша. Супъ Казначейша

2) Пирожки à la Печоринъ.

3) Осетръ Измирль-Бей.

4) Ростбифъ Бояринъ Орша.

5) Зеленъ Хаджи-Абрекъ.

6) Жаркое: разная птица и дичь à la Кирибѣвичъ.

7) Мороженое Тамара.

Вино: красное и бѣлое кахетинское, шампанское. Чай, кофе, ликеры, фрукты.

косарямъ по рублю въ день, а вы отрывать ихъ отъ дѣла... Нѣтъ, ужъ увольте, пожалуйте...

Кабанья голова протягиваетъ уряднику свою черную пятерню... Тотъ пожимается, вертится на своемъ Васюткѣ, и какъ-бы между прочимъ вставляетъ:

— А помните, вы обѣщали мнѣ вашего пѣлаго жеребеночка продать?...

— Хорошо! хорошо! ужъ будьте покойны! басить помѣщикъ и, еще разъ пожавъ руку уряднику, катить далѣе...

— Ишь, бестія! бормочетъ урядникъ,— знаемъ мы васъ, какъ вы по рублю въ день косарямъ платите... Ну, да ужъ не уйдешь ты отъ меня... Доѣду!.. Отдашь мнѣ и даромъ жеребеночка, еще и съ кобылой... Урядникъ весело потираетъ свои черныя отъ загара и пыли руки и усмѣхается...

Подѣзжаетъ къ кабаку. Длиннополый шинкаръ-еврей встрѣчаетъ его на порогѣ.

— Здравствуйте, ваше высокоблагородіе, привѣтствуетъ онъ стражника.

— Здравствуй, Мойше! Ну, что у тебя есть закусить? кстати, вели дать моему Васюткѣ горячика два овса!...

— Э! мы для ганпадина урядника и душу свою дадимъ,—отвѣчаетъ Мойше и, взявъ коня подъ уздцы, ведетъ его по дворъ.

Стражникъ входитъ въ кабакъ.

— Эй, Иване! Иване!—кричитъ во дворѣ Мойше,—возьми коняку ганпадина урядника и дай ей овса! Работникъ, „жидивскій наймитъ“ Иванъ, беретъ Васютку изъ рукъ Мойши и ведетъ ее далѣе... въ пустое стойло. Мойше спѣшитъ къ уряднику.

— Ну, что, ганпадинъ урядникъ? Цто-зе у васъ новенькаго? спрашиваетъ онъ, подобострастно заглядывая уряднику въ глаза...

— Сперва расскажи ты, что новенькаго у тебя, отвѣчаетъ стражникъ, какъ власть имѣющій.

Вотъ я вижу, что патенту твоему уже

срокъ вышелъ, а ты и не думаешь его перемѣнять...

— Э, ганпадинъ урядникъ, вы сами знаете, какое теперь время: народъ такъ и идетъ, такъ и идетъ, гдѣ тутъ о патентѣ думать... Некогда!...

— Некогда, каналья? да я тебя въ бараний рогъ! да я тебѣ, знаешь ты, что покажу...

— Ну, ну, не сердитесь, ганпадинъ урядникъ! право, не сердитесь... Я завтра-зе поѣду за патентомъ...

— Завтра! Такъ ты, пархатый, думаешь, что я такъ и позволю тебѣ водить меня за носъ ... да я...

— Ну, цего-зе вы кричите, ганпадинъ урядникъ? Право, я только такъ, право. дрожить и молится Мойше. Между тѣмъ правая рука его торопливо суетъ что-то въ лѣвую руку приѣзжаго.

Приѣзжій успокоивается и требуетъ закуски... Мойше торопливо побѣжалъ за «отличнѣйшей оцисценной». Урядникъ разжалъ свою лѣвую ладонь и посмотрѣлъ: тамъ лежали двѣ зелененькихъ...

Черезъ два часа послѣ этого урядникъ фхаль уже отъ Мойше назадъ и самодовольно посвистывалъ.

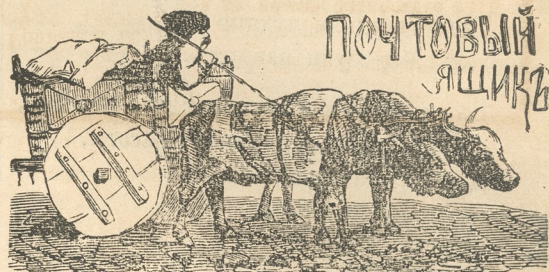
— Будетъ помнить меня, мошенникъ! радостно бормоталъ онъ между тѣмъ про себя.— Думаетъ, какъ урядникъ, такъ и можно ему всякую мелочь въ руки совать... Нѣтъ, братъ, этакъ-то намъ и жить нечѣмъ будетъ... Какъ изъ этакой-то мелочи да еще старшимъ давать, такъ живо и съ мѣста слетишь... Мы тоже не сами по себѣ, и у насъ есть свое начальство...

И онъ прищипорилъ Васютку... Тотъ подпрыгнулъ, но не сворачивалъ больше съ дороги и придорожнаго овса ужъ не щипалъ... Точно понялъ, что и у него свое начальство...

А. Днѣпровскій.

МУДРОСТЬ

Держи всегда открыто уши
На ротъ же наложи печать:
Чужую глупость ты узнаешь,
Твоей никто не будетъ знать.

ГОРОДСКАЯ ПОЧТА

В. Н. Серебряный рядъ.

Двѣ картинки возьмемъ. Присылайте еще.

Мошкѣ.

Хоть вы и соглашаетесь на „всякія“ условія, но мы не согласны ни на какія.

Военному ч.

Ваши каррикатуры не будутъ помѣщены въ „Фалангѣ“.

ИНОГОРОДНАЯ ПОЧТА

Москва, редакціи „Будильника“.

До сихъ поръ ни одного № „Будильника“ не получили.

С.-Петербургъ П-Гасу.

Два четверостишія возьмемъ.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВОЕ ОБЩЕСТВО.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО ДЛЯ СБОРА ПОЖЕРТВОВАНІЙ НА ВОСПИТАНІЕ БѢДНЫХЪ ДѢТЕЙ

Въ С.-Петербургѣ, Кабинетская улица, домъ № 2-й, квартира № 10.

Въ настоящее время, съ наступленіемъ лѣтнаго сезона, большая часть населенія перебирается или на дачи или перемѣняетъ квартиры; при этомъ всегда остаются старыя вещи, негодныя въ употребленіе, которыя и выбрасываются.

Въ виду этого ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО для сбора пожертвованій имѣетъ честь заявить, что оно принимаетъ всякаго рода пожертвованія, какъ то: битое стекло, старыя тряпки, коробки, пробки, клочки бумаги, исписанныя тетради, катушки, старое, хотя бы совершенно изношенное, бѣлье и платье, старыя книги и карты, старую мебель, битую посуду и вообще вещи не нужныя, которыя въ отдѣльности не имѣютъ не только никакой цѣны, но часто въ семействѣ стѣсняють—образуютъ пыль и грязь и занимаютъ мѣсто; между тѣмъ эти-то вещи, повидимому, ничего не стоящія, даютъ въ массѣ почтенныя цифры, на которыя Попечительство имѣетъ возможность одѣвать и воспитывать круглыхъ сиротъ или дѣтей бѣдныхъшихъ родителей.

Во второе полугодіе дѣятельности Попечительства помощью его пользовались 76 дѣтей.

Для удобства жертвователей, которые не могутъ сами послать вещи, Попечительство предлагаетъ заявить о своемъ намѣреніи по почтѣ и назначить день и часъ, въ какой оно можетъ прислать своего артельщика принять жертвуемыя вещи и выдать установленную росписку.

Попечительство приглашаетъ къ пожертвованію также гг. иногородныхъ жителей.

Подробныя разъясненія, а также отчеты о дѣятельности Попечительства выдаются въ помѣщеніи Попечительства, а также высылаются гг. иногороднымъ жертвователямъ.

Письма просятъ адресовать, въ С.-Петербургѣ. Въ Попечительство для сбора пожертвованій на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей. Кабинетская ул., д. № 2, кв. № 10.

Дезинфекціонныя средства.

Желѣзный купоросъ, хлористая известь 100% содержания хлора, перекись марганца и карболовая кислота 40% получены въ большомъ количествѣ и превосходнаго качества въ аптекарскомъ складѣ В. И. Гривнака подъ гост. Лондонъ.

(3) 30—22.

ПРОДАЕТСЯ

КОНЦЕРТНЫЙ РОЯЛЬ

Бекера; можно видѣть на Гановской улицѣ въ домѣ князя Бебутова, № 10.

(Ш.) 1—1.